

XPOHOOC-MHOP

VII

SAVE TIME
TIME 77 DAYS

Ферги Таймович

Хронос-Минор: Пульс VII

«Автор»

2026

Таймович Ф.

Хронос-Минор: Пульс VII / Ф. Таймович — «Автор», 2026

«ХроносМинор» — спираль из двенадцати уровней, где каждый вдох отдаёт металлом, а воздух густеет от статического напряжения. Здесь торгуют ёмкостью, а не смыслами. Герой «VII» начинает с нуля: без памяти, без статуса, без учёта в реестрах. Его расследование — это цепочка сделок за минуты доступа к архивам, поисков свидетелей среди тех, кому нечего терять, и попыток понять, почему при его появлении тарифные маркеры иногда замирают, а потоки данных отклоняются. У него есть скрытые способности: они не дают ему мгновенного преимущества, но делают его уникальным «возмутителем» системы. В мире, где личность — это архитектор, собирающий воспоминания, его главная сила — в том, как он влияет на сам механизм города.

© Таймович Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 0 Пролог - 07:07 Финальная синхронизация	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Ферги Таймович

Хронос-Минор: Пульс VII

Глава 0 Пролог - 07:07 Финальная синхронизация

«Иногда я ловлю себя на мысли, что у памяти нет цены, а время — это всего лишь иллюзия.

Если задуматься на секунду, одновременно с ней ты потратишь время и создашь память. Выходит, время — это расходный материал, восполняемый ресурс.

А память — самое драгоценное, что у нас есть.

Однако здесь приходит и иная мысль: что, если бы каждые сутки человек просыпался, не зная, кто он?

Базовые протоколы, подталкивающие к труду.

Фильтры, закрывающие от него все прекрасные чувства свободного контроля.

Вероятно, я сам противоречу себе. Истинная свобода не поддаётся никакому внешнему контролю.

Верно и обратное — ты контролируешь то, что хочешь выбрать в свободном смысле. Значит ли это замкнутый круг? Истинная свобода — это не отсутствие контроля, а осознанное самоограничение. Без памяти всё превратится в вечное «сейчас»... И я не знаю, боюсь я этого или молю об этом.

Выходит, память — это тот самый клей. А потому имеет наивысшую ценность в нашей природе. Я, который что-то выбирает, контролирует... Мой выбор имеет значение. Но кто этот «Я»?

Если память — это клей, то «Я» — это сосуд, который она скрепляет. Но что, если со временем «Я» сам становится этим клеем? Что личность — это не то, что помнит, а то, как она интерпретирует и организует воспоминания. Память даёт сырой материал.

Но «Я» — это архитектор. Формирует ли меня моя память?

Значит ли это, что человек, даже потеряв память, всё равно рано или поздно достигнет того же результата? Слепой алгоритм всё равно найдёт ту же точку на карте?

Этот вопрос я решил оставить где-то внутри себя на время..... Иногда я ловлю себя на мысли, что цена памяти — время, а время — это иллюзия.

Зелёные диоды тепловых часов мигнули, зафиксировав 07:07. Семь часов. Седьмая минута. Седьмая секунда.

Воздух в комнате на мгновение стал плотным, как стекло, и зазвенел.

Критическая уязвимость протокола: 98%. Запуск протокола изоляции.

Эти мысли ещё крутились в голове, когда мир вокруг перестал замечать их носителя. Система не судит — она оптимизирует.

Строки памяти исчезают не как приговор, а как лишние данные. В её логике люди не становятся «субъектом с лимитом» — они становятся аномалией, которую не нужно тарифицировать.

Как тень, которая не отбрасывает тени.

Город не замечает подобных тишин.

«Хронос-Минор» продолжал жить своим ритмом. Спираль из двенадцати блоков, будто циферблат без стрелок, втягивала в себя минуты. В высоту он достигал внушительной конструкции, представляя собой спираль — словно путь вверх, создающий иллюзию восхождения. Холод здесь был не просто температурой — он был нормой. Воздух на стыках уровней густел от статического напряжения, и каждый вдох отдавал металлическим привкусом: филь-

тры не успевали убирать микрочастицы данных, оседавшие на всём, к чему прикасался город. На нижних уровнях, в трущобах, был повышенный уровень влаги, создающий впечатление вечного холодного дождя. На стыках витков мерцали тарифные маркеры. Проход между уровнями стоил не фиксированной суммы — цена менялась каждую минуту, подстраиваясь под плотность трафика и нагрузку на систему.

Где-то на девятом уровне торговец продавал обрывки чужих воспоминаний — не ради ностальгии, а ради секунд: один час мог купить десять минут доступа к архивам. Он не спрашивал, зачем покупателю эти секунды. Всё и так было понятно: только там можно получить фрагмент памяти, и тот не гарантировал извлечение. Никому не было дела. Здесь не торговали смыслами — торговали ёмкостью.

В центре города стоял огромный шпиль, который служил сердцем всего потока. Он простирался через все уровни, высоко за пределы города, вплоть до верхнего уровня. К нему стекались потоки данных, которые представляли собой цветковые модули. В ночное время они освещали город; особенно заметно это было для нижних уровней, где повышенная влага исключала широкое использование электрических способов освещения.

В узкой галерее между восьмым и седьмым уровнями на долю секунды замер юноша — обычный доставщик. Слот закрывался через четыре минуты, тариф на проход уже оплачен, а маршрутный планшет упрямо предлагал дорогостоящие альтернативы. Янтарно-зелёная вспышка ударила по глазам. Он прищурился, а когда снова распахнул веки, перед ними плясали светлые пятна. «Перепад напряжения», — подумал он с облегчением, но где-то царапнуло: вспышка была слишком чёткой, будто кто-то проверял, есть ли тут кто живой. На миг замерла пульсация света в венах — словно время на секунду перестало его учитывать. Потом рвануло вперёд, наперстывая упущенное. «Сбой. Микрозадержка», — привычно шепнул внутренний голос.

В «Хронос-Миноре» лишние вопросы стоили дороже секунд, а у него не было ни тех, ни других: просроченный слот — это минус в рейтинге и в следующем маршруте. Юноша тряхнул головой и шагнул дальше. Здесь выживали те, кто не придавал значения мелочам — даже если эти мелочи вдруг смотрели на тебя в ответ. Для города он был строкой в потоке — и воздух уже почти забыл, что он тут был.

На шестом уровне техник перезапускал буфер реальности. Рядом на полу лежал старый механический секундомер. — Система стирает частично фрагменты, а не цельные воспоминания, — пробормотал он. — Но если фрагмент стёрт, воспоминания о нём становятся просто шумом. По главной шине прошёл сухой, хирургический щелчок удаления. Техник замер. На периферийном экране всплыло уведомление: '[АРХИВ: ФРАГМЕНТ 4-Б-88.12 УДАЛЕН. ПРИЧИНА: ДУПЛИКАЦИЯ. ЭКОНОМИЯ: 0.4 СЕК]'. Всего четыре десятых секунды. Кто-то забыл лицо матери, потому что её улыбка совпала с улыбкой десяти тысяч других людей. Техник подхватил секундомер. Клик. Он закрыл глаза, опираясь на консоль, и начал восстанавливать контекст, нанизывая детали на нить механического времени.

Щёлк. Озон перед грозой в нижних уровнях.

Щёлк. Шероховатость ржавой периллы.

Щёлк. Резкий запах дешёвых нейро-стимуляторов из бара.

На пятой секунде он нащупал гравитацию пустоты. Это был смех. Короткий, задыхающийся смех человека, выигравшего у системы полторы секунды тарифа. Смех, похожий на дребезжание плохо закреплённой вентиляционной решётки.

Щёлк. Стоп. Пять секунд.

Для города это была рутина. Для техника — потеря целой истории. Он опустил кристалл с выжженной пустотой в карман. Выбрасывать его было бы равносильно тому, чтобы наступить на могилу. Техник снова взялся за клавиатуру. Теперь он был не просто узлом, пропускающим поток. Он стал архивариусом тишины.

Выше, на седьмом уровне, где сходились основные потоки трафика контроля архива, система отметила аномалию: факт, который был, перестал быть. Не человек. Не предмет. Сам факт. И город, равнодушный к причинам, уже начал стирать его из своих реестров, как стирают лишнюю строку из отчёта. У лифтовой скважины замерла женщина. Её нейроинтерфейс жадно глотал остаточный трафик, пока дрон-чистильщик медленно выплел из мёртвой зоны оптоволокно. Она не заметила, как недалеко от неё что-то проскользнуло на нижние уровни. Трата секунд на поворот головы не окупилась бы даже украденный пакет данных.

Где-то в этой тишине, в трущобах на первом уровне, стоял бар, служивший центральным узлом для тех, кто не терял время впустую. Его мог бы узнать каждый, кто хоть раз о нём слышал: его характерным отличием был пиксельный смайлик с улыбкой. Он оставлял не то надежду в этом тёмном месте, не то жуткое ощущение — из-за своей текстуры улыбка могла выглядеть довольно мрачно. В баре часто стекались различные фигуры: одни искали наживу, вторые — информацию, иногда кто-то заходил скоротать отчаянные остаточные минуты.

Так как время в городе было ресурсом, здесь, в трущобах, в основном собирались несостоятельные и неспособные люди. Погода здесь имела вторичный фактор, привычного течения времени не было. В том числе никто не придавал значения такой информации, как месяц или время года. Единственный индикатор времени, помимо часов, был заточен в часовых панелях, которые в пять часов утра и в пять часов вечера переключали режим с дневного на ночной. Поэтому в этот ..вечер ..сентября ..никто бы не подумал, что произойдёт что-то нетипичное.

Весь город жил своим привычным ритмом. И всё же неподалёку от бара, за переулком, в лифтовой скважине, близко к семи часам вечера, вдруг начал пульсировать янтарно-зелёный свет. Это свечение было в безлюдном месте, поэтому никого, кроме крыс, оно привлечь не смогло бы. Даже если кто-то ждал чего-то особенного в этот день или даже от отчаяния, просто так в это место точно бы не пришли.

Однако в этот момент в переулке появилась тень.

А город продолжал вращаться. Равнодушный. Холодный. Идеальный в своей механичности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.